

УДК 801.54(091)

И.М. Некипелова**К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ СЕМАНТИЧЕСКАЯ
ДЕРИВАЦИЯ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ
В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

Статья посвящена исследованию семантической системы русского языка в её историческом развитии. В рамках исследования предлагается концепция разграничения и соотношения понятий семантическое словообразование и семантическая деривация, что является важным в понимании многих семантических процессов, произошедших в истории языка: формировании типов изменений в смысловой структуре слова и развитии семантической системы в целом.

Ключевые слова: историческая семантика, история русского языка.

Исследование семантической системы древнерусского языка предполагает исследование двух важных её составляющих – лексической и грамматической семантики. Историческая семантика – неотъемлемая часть семантики в целом, позволяющая дополнить известную современным учёным языковую картину мира славян, которая отражена в текстах памятников древней письменности посредством особенностей функционирования в них слов, так как «слово действительно есть способ сосредоточения семантической энергии концепта» [1. Т. 2. С. 292].

Сложность описания исторической семантики и её моделирования связана с рядом факторов. Во-первых, основную проблему составляет конструирование семантической модели, поскольку она неизбежно должна учитывать данные всех уровней языка, в то время как сама семантика не является уровнем языка – она содержание языка. Во-вторых, при моделировании семантики необходимо учитывать постоянное развитие языка, в котором самым подвижным является изменение именно семантической составляющей, таким образом, модель должна представлять временное и пространственное соотношение, вертикальные (диахронические) и горизонтальные (синхронические) отношения и связи языковых единиц в системе (модели). В-третьих, необходимо учитывать и то, что слово дошло до современности лишь в определенном контексте, что затрудняет фиксирование всех возможных употреблений слова и его связей с другими языковыми единицами, поскольку сохранившиеся тексты могут не отражать все отношения слова, которые реализовывались в тот или иной период развития языка. В-четвёртых, при интерпретации связей слов, употребленных в древних текстах, не всегда можно говорить об абсолютной адекватности подобного анализа, так как описание семантики слова рассматривается сквозь призму наличия семантических связей слова в современном языке, которых могло и не быть у данной языковой единицы на более ранних этапах развития языка. В-пятых, любое моделирование, в том числе и семантическое, необходимо предполагает использование абстракции, идеализации и формализации, что по сути должно исключать

или сводить к минимуму рассмотрение отклонений от общей картины развития, а отклонения и ответвления и есть сущность развития семантики. Отображая релевантные, существенные с точки зрения исследования свойства оригинала и отвлекаясь от несущественных, модель выступает как некоторый абстрактный идеализированный объект. Всякая модель строится на основе гипотезы о возможном устройстве оригинала и представляет собой функциональный аналог оригинала, что позволяет переносить знания с модели на оригинал. В идеале модель должна быть формальной (т.е. в ней должны быть в явном виде и однозначно заданы исходные объекты и связывающие их отношения) и обладать объяснительной силой (т.е. не только объяснять факты или данные экспериментов, необъяснимые с точки зрения уже существующей теории, но и предсказывать неизвестное раньше, хотя и принципиально возможное поведение оригинала, которое позднее должно подтверждаться данными наблюдения или экспериментов). Семантика пронизывает все уровни языка, поэтому при построении семантических моделей необходимо учитывать процессы, происходящие на других уровнях. Именно поэтому семантические модели являются принципиально отличными от других лингвистических моделей. Здесь наполняемость модели – фактор не основной, поскольку наполняемость не оказывается связанной с универсальностью. В то время как одним из основных критериев любой модели, в том числе и лингвистической, является предсказание неизвестного, но возможного поведения объекта, которое позднее должно подтверждаться данными наблюдения или эксперимента. Предлагаемое в статье моделирование семантики представляет собой разработку типовой структуры семантического описания, а наполняемость этой структуры обусловлена индивидуальными характеристиками и отношениями слов.

При описании семантики слова и его связей и отношений с другими словами мы прежде всего опираемся на контекст, в котором употреблено слово, и на данные различных лингвистических словарей, фиксирующие употребление исследуемого слова в аналогичных, подобных или других контекстах. Обращение к словарям помогает выявить типичность/нетипичность/окказиональность и регулярность/нерегулярность употребления слова в тексте/контексте. Это оказывается важным для выявления закономерных и случайных употреблений слова в определенный период развития языка.

Надо отметить, что особую сложность представляет определение исторических семантических связей и отношений слов в языке и тексте. Это связано с нерешённостью в науке проблемы соотношения терминов *полисемия* и *омонимия*. Однако анализ языкового материала показывает, что это, скорее, не противопоставление терминологии, называющей одни и те же явления, а название и определение разных явлений в языке, не получившее должного обоснования и разграничения в лингвистике, поскольку не учитывался тот факт, что *многозначен знак, а не слово*: «Говоря о многозначности слова, мы смешиваем слово и знак, часть и целое... С этой точки зрения каждое отдельное употребление слова даёт уже совсем другое, новое слово, поскольку в изменившемся контексте оно может выступить в ином значении» [2. С. 19].

Для более полного и точного понимания явлений полисемии и омонимии в истории языка необходимо разграничить понятия *семантическое словооб-*

разование и семантическая деривация. Если с термином *словообразование* всё вполне понятно, то при употреблении термина *деривация* возникают определённые сложности. *Семантическая деривация* рассматривается в лингвистике в целом как частное проявление *деривации*. Однако само понятие *деривация* имеет в научной лингвистической литературе разную трактовку. В узком смысле деривация представляет собой аффиксальное образование: «Образование новых слов при помощи аффиксов (или посредством деаффиксации) согласно словообразовательным моделям, свойственным данному языку» [3. С. 129]. Учёные, придерживающиеся этой концепции, выделяют следующие типы деривации: первичная деривация – деривация от корня, вторичная деривация – деривация от производной основы, прогрессивная деривация – аффиксация, регрессивная деривация – деаффиксация. Широкая трактовка понятия «деривация» распространяется на процессы образования в языке любых вторичных знаков разных уровней языка, в том числе путем использования знака в новом значении [4. С. 129]. В последнем случае, собственно, и используется термин *семантическая деривация*. Существует и несколько иная точка зрения на значение этого термина, рассматривающего его не столько как термин словообразования, сколько как термин сугубо лексики или лексической семантики. Под семантической деривацией большинство лингвистов понимают образование значений многозначного слова. Д.Н. Шмелев при этом подчеркивает обязательное наличие между этими значениями отношений производности, или, по терминологии Д.Н. Шмелева, эпидигматических отношений [5]. Тем самым семантическая деривация отграничивается от омонимии как «чисто внешнего совпадения двух или более слов, в значении которых нет ничего общего» [6. С. 183]. Таким образом, понятие семантической деривации как способа развития многозначности слова противопоставляется понятию лексико-семантического способа словообразования как способа образования омонимов [7. С. 32]. Такой подход находит отражение и в лексикографической практике исторических словарей. Однако, если обратиться к истории происхождения этого термина и к его общенаучному значению, можно выявить некоторое несоответствие содержания и смысла лингвистического термина *деривация* узкоспециальному термину *деривация*, употребляющемуся в рамках других наук.

Итак, термин *деривация* имеет латинское происхождение: слово *derivation* употреблялось первоначально в значении «отведение, отклонение» [8. С. 190]. В современной науке оно используется как термин баллистики: «*бок-овое отклонение* (курсив наш. – *Н.И.*) вращающегося при полёте снаряда, пули от плоскости бросания» [9. С. 323], гидротехники: «*отвод* (курсив наш. – *Н.И.*) воды из реки, водохранилища или другого водоёма для целей судоходства, орошения, транспортировки воды к гидроэлектростанции или насосной станции» [8. С. 190], математики: «метод *движения* (курсив наш. – *Н.И.*) одной функции от другой на основе постоянных коэффициентов», геологии: «*процесс дифференциации* (курсив наш. – *Н.И.*) магмы» [8. С. 190], а также социологии, языкознания и некоторых других наук. В современной лингвистике он выступает как синоним термину *словообразование*: «Деривация [< лат. *derivation* отведение, отклонение; образование] – <...> 3) образование

новых слов при помощи словообразовательных средств и в соответствии со словообразовательными моделями данного языка» [8. С. 190].

Итак, ключевым словом в определении общенаучного термина *дериват* является понятие *производное*: «производное, происшедшее от чего-л. ранее существовавшего» [8. С. 190], а термина *дериватор* – понятия *направление* и *определение направления*: «прибор для определения направлений касательных и нормалей в отдельных точках произвольных прямых» [8. С. 190]. Таким образом, *деривация* в целом понимается как *отклонение* от нормального или исходного состояния, *изменение* направления или направления развития, *ответвление*. Следовательно, соблюдая общенаучную тенденцию и традицию в определении термина *деривация*, лингвистический термин *семантическая деривация* следует применять при описании *семантических процессов, приводящих к отклонениям от исходного значения слова, его изменениям*.

Естественно, понятие *семантическая деривация* тем самым не оказывается противопоставленным термину *семантическое словообразование*, поскольку в определённых областях семантических отношений и связей слов они могут пересекаться, однако и отождествлять их тоже не следует. И семантическая деривация, и семантическое словообразование отражают диахронические процессы в языке, поэтому применяются нами для описания исторических явлений. Однако каждый термин должен использоваться при исследовании определённых и вполне конкретных языковых процессов. Дадим определение каждого термина.

Семантическое словообразование – это процесс, характерный для любой языковой системы, приводящий к появлению нового слова – *семантического производного (деривата)* – и к формированию и развитию явления *омонимии*, когда при многозначности *знака* (прежде всего графического) с ним отождествляются два или более слова, имеющие разные значения, и, как правило, связанные с исходным значением первоначального слова словообразовательными отношениями производности, а также связанные между собой отношениями родства.

Семантическая деривация – это процесс появления у слова *семантически производных значений, со-значений, семантических коннотаций*, т.е. *процесс расширения семантического объёма слова*, приводящий к появлению *семантического синкретизма*, а потом и *процесс распада семантического синкретизма*, приводящий к появлению явления так называемой *полисемии*. Деривация имеет *направления изменений*, которые определяют основные типы самой деривации: *метонимические* и *метафорические процессы изменений в семантической структуре слова*.

Семантическая деривация и семантическое словообразование – явления тесно связанные, отражающие разные стадии развития семантики слова и выполняющие разные функции в формировании семантической системы. *Семантическая деривация* является количественным фактором семантических изменений: появляющиеся новые созначения слова всё более расширяют его семантический объём (хотя в исключительных случаях следует говорить не о расширении семантического объёма слова, а о его сужении); это явление прежде всего речи, а не языка, поскольку актуализация тех или иных коннотаций оказывается обусловленной контекстом, в котором языковая

единица употребляется. Таким образом, большую роль в функционировании и распадении семантически наполненных элементов – синкрет – играет контекст, определяющий значение слова. *Семантическое словообразование* – явление и результат качественного скачка, приводящего к появлению новой языковой единицы с собственным значением, закрепляющимся в языке. В.М. Марков так определяет это явление: «По мере его употребления в различных условиях речи оно [слово], характеризуясь соотнесенностью с определенным явлением действительности, обогащается все большим количеством ассоциаций (признаки, степень, условия их проявления, отношение к ним и т.д.). Иными словами, происходит количественное накопление этих ассоциаций, приводящее в целом ряде случаев к качественному “скачку” в виде акта рождения нового слова, то есть самостоятельной лексико-грамматической единицы, служащей наименованием уже иного явления, в том или ином отношении сближенным с исходным» [10. С. 20]. В этом случае контекст определяет не актуализацию того или иного созначения употреблённой языковой единицы, а выбор того или иного слова из ряда единиц, близких ему по значению или по форме.

Таким образом, *семантическая деривация* – это семантические изменения, происходящие в семантической структуре слова; *семантическое словообразование* – это развитие семантической системы языка. Процесс развития имеет конечную цель – появление нового слова, в то время как семантическая деривация как процесс изменения семантической структуры слова точной цели не имеет, он не заканчивается появлением нового слова, хотя зачастую может рассматриваться как отправная точка семантического словообразования, т.е. как определённый этап развития семантической системы. По словам В.С. Соловьёва, «развитие есть такой ряд имманентных изменений [курсив наш. – Н.И.] органического существа, который идёт от известного начала и направляется к известной определённой цели: таково развитие всякого организма; бесконечное же развитие есть просто бессмыслица, *contradictio in adjecto* <...> общая формула, выражающая эти три момента, есть закон развития. Определив закон развития, мы определим и его цель» [11. Т. 2. С. 142]. Подобное мнение высказывает и В.В. Колесов: «Развитие – не история и не изменение. Развитие есть качественное содержание тех изменений, которые фиксируются историей» [2. С. 97].

Однако для описания процесса *развития* системы языка, в том числе и семантической, важно определение не только конечной цели, результата этого развития, но и его начала, исходной точки, поэтому-то и появляются понятия производящего и производного при исследовании процесса семантического словообразования. Это связано с тем, что нельзя определить конец процесса, не зная его начала. В данном случае началом процесса является слово, определяемое как производящее, завершением – новое слово, определяемое как производное. Эти две языковые единицы оказываются связанными между собой не только семантическими, но и словообразовательными и лексическими отношениями. Широта и разноаспектность отношений, связывающих начало и конец процесса, определяют функционирование нового элемента как *единицы языка*.

Для описания процесса *изменений* важно определение не столько конца процесса, сколько направления изменений, поскольку только понимание сути изменений помогает понять актуальное значение знака в контексте. Конкретного итога процесса изменения семантической структуры слова как такового нет, поскольку процесс приращения значений может быть бесконечным, никаких конкретных ограничений языковая система на этот процесс не накладывает: одни значения могут появляться, другие утрачиваться в истории языка, но точное и неизменное их количество не может быть определено. Следовательно, семантическое изменение – процесс относительно *бесконечный*, поэтому и его начало представляет интерес лишь в отношении определения исходного значения для выявления направлений изменений. Значения слова связаны между собой только семантически: «возникает «приращение смысла» (Б.А. Ларин) в слове по известным «правилам сложения смыслов» (Л.В. Щерба) в контексте» [2. С. 97–98].

Однако направление изменений определяет возможную цель: «Само начало в свёрнутом виде содержит в себе качество, которое должно развернуться в дальнейшем, обретая присущие этому качеству формы. Следовательно, развитие есть развёртывание в определённом направлении заданных системой импульсов, экспликация качеств, которые определены началом и обеспечивают поступательный ход изменений» [2. С. 97]. Метонимическая деривация может привести только к появлению новой языковой единицы, связанной с производящим словом метонимическими отношениями, метафорическая деривация – только к появлению языковой единицы, связанной с производящим метафорическими отношениями. В результате возникают системные отношения между производящим и производным элементами: *типы метонимизации* и *модели метафоризации*. Происходит накопление всё новых и новых концептов дифференцирующего значения, и «тут уже возникают системные отношения, регулирующие процессы семантической деривации» [2. С. 96]. В свою очередь, новая лексическая единица – семантический дериват – может стать источником новых семантических изменений, которые могут привести к дальнейшему развитию семантической системы языка.

Итак, слово в своём семантическом изменении и языковая система в своём семантическом развитии проходят следующие этапы: 1) первоначально слово существует и функционирует в языке и речи в своём исходном предметном значении; 2) дальнейшее развитие семантической системы и языка в целом идёт по пути формирования семантических синкрет – языковых единиц, семантический объём значения которых постоянно пополняется в результате процесса семантической деривации, т.е. изменений в семантической структуре слова; 3) позднее, в XI–XIV вв., актуализируется распадение семантического синкретизма слова также в результате процесса семантической деривации, происходит актуализация значений в контекстах; 4) с конца XIV – начала XV в. актуализируется процесс семантического словообразования, завершающий явление распадения семантического синкретизма появлением новых лексических единиц – семантических дериватов, влекущим развитие семантической системы языка. Следует отметить, что для некоторых значений последний этап так и не наступил.

Система языка постоянно развивается, но с точки зрения исследования семантики оказывается важным зафиксировать промежуточные этапы, которые в синхронии представляются как статичные. Однако процессы диалектики универсальны и по отношению к языку: статику необходимо рассматривать как элемент динамики, так же как синхроничные срезы необходимо представлять как этапы диахронии. Следовательно, все семантические изменения неизбежно должны рассматриваться как этапы развития семантической системы, т.е. как исторические изменения (диахрония), приводящие к временной статичности семантической системы (синхрония).

Таким образом, семантический синкретизм – процесс *приращения* смыслов, семантическая деривация – процесс *смещения, изменения* смысла, семантическое словообразование – процесс *разграничения* смыслов. Однако провести чёткую границу перехода деривации в словообразование не всегда представляется возможным, поскольку не всегда можно точно спрогнозировать, приведёт ли семантическая деривация к семантическому словообразованию, т.е. к появлению новой языковой единицы, или приращение смысла, изменение семантической структуры слова будет иметь лишь контекстуальную актуализацию. Следовательно, важным является определение контекстных значений слова. Для этого нами разработаны некоторые критерии разграничения языкового и контекстного значений. Один из критериев – наличие или отсутствие описания значения в словарях, в первом случае мы говорим об устоявшемся в языке употреблении слова, во втором случае о том, что процесс закрепления конкретного употребления находится в стадии развития или же в условиях случайного употребления. Следующий критерий – степень употребляемости в одном тексте, в текстах одного жанра, в текстах разных жанров. Частотное употребление свидетельствует о закреплённости слова в языковой системе, редкое или единичное употребление свидетельствует о незавершённости процесса закрепления слова или же о его случайном/нетипичном употреблении. Третий критерий – фиксация абсолютного употребления слова, т.е. как лексически независимой от контекста единицы, или возможность употребления слова только в системных отношениях с другими словами контекста, его контекстуальная связанность. Возможность абсолютного употребления слова свидетельствует о существовании этого слова как полноценной единицы в языке определённого периода. Возможность употребления слова только в условиях контекста может свидетельствовать о его окказиональном употреблении, о полной зависимости от контекста, о символичности смысла текста, о расширении семантики слова и начальном этапе процесса формирования семантического деривата и, наконец, о фразеологизации составной единицы. Последовательное применение этих трёх критериев к описанию функционирования слова позволяет наиболее точно и наименее субъективно выявить языковой или контекстный характер значения слова.

Итак, процесс семантической деривации приводит к появлению семантических синкрет – единиц, обозначающих многое, актуализация созначений которых не проявляется в контексте. Семантическая синкрета воспринимается как символ, знак, имеющий возможность разного прочтения в зависимости от текстовой ситуации, но всегда предполагающий и остальные созначения.

Так, в тексте Цветной триоды находим: кѣдѣша въ гадѣ мою зълѣу н въ жажоу мою напоиша ма оцъ та (Триодь цветная, XII в. (РГАДА, ф. 381, №138), 33 об.). Первоначально формулу жажоу мою напоиша можно интерпретировать следующим образом: *когда я захочу пить, то напои меня*. Однако более широкий контекст позволяет нам выйти за рамки буквальной трактовки и придать этой фразе символическое значение, характерное для языка триодей, не противоречащее предметному смыслу, но дополняющее его: *когда вера иссякнет, дай мне веру*. В результате слово *жажда* может быть интерпретировано и как *желание пить*, и как *желание уверовать*. Таким образом, семантический синкретизм базировался прежде всего на расширении семантического объёма слова, но это расширение было процессом наслаивания созначений и коннотаций, а не порождением нового слова. Семантическая синкрета – знак, представляющий собой символ, обладающий способностью называть, вернее, обозначать многое. Символ сам по себе как языковой знак представлял собой совокупность более или менее различных потенциальных значений и коннотаций, приписываемых слову как знаку. Позднее любое потенциальное значение могло быть реализовано в контексте и стать актуальным, но исключительно для этого и аналогичных контекстов. И контекст предназначен был помогать определять актуальное значение символа, знака в ситуации. В результате сначала в контекстуальном употреблении, а потом и в языке стали оформляться первые одновременно синтаксически и семантически связанные, характеризующиеся определенной устойчивостью в употреблении и функционировании единицы речи и языка. Так, в текстах триодей употреблены формулы *живая вода и животная вода* в значении «*колодезная или проточная вода, годная для питья*» [12. С. 249], которые связаны с основным значением слова «вода» – *естественная влага*: вода жнва текѣцин (Триодь цветная, XII в. (РГАДА, ф. 381, №138), 112 об.); н водоу жнвотноу шт теке прнѣтъ (Триодь цветная, XII в. (РГАДА, ф. 381, №138), 114 об.). Однако они обладали некоторой свободой в грамматическом выражении: относительно свободными были состав этих единиц, полнота и последовательность состава, словообразовательные и морфологические формы составного наименования.

Далее направления семантической деривации определяют появление семантических дериватов – метонимических, а позднее и метафорических – единиц, актуализация созначений которых связана непосредственно с контекстом, в котором они употребляются, т.е. единиц с контекстным значением. И в завершение в результате семантического словообразования появляются новые единицы с уникальным значением, которые становятся единицами языка, поскольку их значение не связано с актуализацией в том или ином контексте. Теперь уже не контекст определяет актуальное значение слова, а само значение языковой единицы определяет её выбор из ряда других языковых единиц для употребления в тексте.

Итак, постепенное расширение семантического объёма слова приводит к появлению семантического синкретизма слова, когда оно не только прямо называет денотат, но и подразумевает ещё нечто большее, чем называет, поскольку «единство целого в мышлении требует синкретичного образа» [2. С. 68]. Это подтверждают и языковые данные древних памятников письмен-

ности, древние славянские триоды содержат подобные единицы: дньсь бѣднѣ нюда прѣдатн гѣа пьрвокеунаго спса мнроу (Триодь цветная, XII в. (РГАДА, ф. 381, №138), 31 л.). В представленном контексте Слово мнрѣ имеет *широкое* (в современном понимании этого термина) значение, поскольку обозначает сушу, людей, животных, Вселенную – всё живое и неживое, созданное Богом, т.е. представляет собой синкретичный образ. В последующем слово мнрѣ станет обозначать многое не за счёт объёма своего значения, а за счёт той системы созначений, которую разовьёт в истории языка.

Зарождение и активизация процесса дополнения значения слова коннотациями ознаменовали переход ментального мышления славян от собственно предметного, конкретного типа мышления – прямого называния денотатов – к отвлечённому типу мышления – подразумеванию, добавлению созначений. В XI–XII вв. слово земля как семантическая синкрета имело несколько созначений: «земля, почва», «твёрдая поверхности планеты», «мир, созданный Богом», «люди, населяющие планету», «суша»: вѣскрьсенна днь просвѣтнмъса днюе пасха гни пасха ѿ смьртн оубо къ жнзнн н ѿ земля на небо хсъ бѣ насъ прѣвелъ естъ покѣдноую поюща (Триодь цветная, XII в. (РГАДА, ф. 381, №138), 55 об.). В дальнейшем все эти созначения начали закрепляться контекстно, распадаться на всё менее зависимые от исходного (этимологического, производного) значения созначения и в дальнейшем были образованы семантические дериваты с соответствующими значениями, различающимися дериваты в контекстах.

Первоначальное расхождение созначений в контекстах можно наблюдать уже в XII–XIII вв., поскольку распадение синкрет – процесс длительный и очень сложный, начавший фиксироваться достаточно рано в различных памятниках письменности. В употреблении одних лексем можно наблюдать более ранние признаки расхождения созначений, в употреблении других – более поздние. Во многом этим процессам способствовало заимствование греческих христианских символов и метафор. Так, в Триоди цветной, XII в. (РГАДА, ф. 381, №138) можно увидеть контексты, различающие созначения слова земля:

– «твёрдая поверхность планеты»: падню нзмѣрнвѣин небо дланню же землю гѣ прнде снона же нзѣра къ тем же жнтнн црствоватн къзлюбнтн людн вѣрно къпнюща слава снлѣ твоен гн (Триодь цветная, XII в. (РГАДА, ф. 381, №138), 08 л.), земля югда потрѣсеса каменне югда распадеса жндокъ препьрѣша (Триодь цветная, XII в. (РГАДА, ф. 381, №138), 34 об.);

– «земля, почва»: покрываи н водамн превъиспръниа своа полагаи н морю предѣлѣ пѣсѣкъ съдържан землю та поеть слнцѣ та славнтъ лоуна тѣбѣ прнонтъ хвалоу вса тварь яко съдѣтель вѣсѣхъ в вѣкы (Триодь цветная, XII в. (РГАДА, ф. 381, №138), 41 л.);

– «люди, населяющие планету, землю»: вселенса нерсламе тѣржѣствоунте любашнн снона црствоуиа небо къ вѣкы гѣ снламы прнде да говѣеть вса земля ѿ лица его н да поеть блгте (Триодь цветная, XII в. (РГАДА, ф. 381, №138), 09 л.);

– «мир, созданный Богом»: нже зѣмлю оукрашѣн цѣтѣи н на гранцю роугаѣмъ поносн нже облакѣи одѣваю тѣрѣдѣ такоѣ бо строенне оуразоумѣса твоѣ мл҃срднѣ х҃ѣ велнѣ млностѣ слава тебѣ (Триодь цветная, XII в. (РГАДА, ф. 381, №138), 45 л.);

– «место, куда были изгнаны люди из рая, противопоставленное небу – месту Бога»: сѣго радн бѣ раздроушнтѣ тѣ до конца нстѣргнет тѣ н преселнт тѣ ѿ села твоѣго н корень твоѣн ѿ зѣмліи жнвоушнхѣ (Триодь цветная, XII в. (РГАДА, ф. 381, №138), 09 л.).

Исходное предметное значение «почва» начинает первоначально дополняться за счёт расширения семантического объёма слова зѣмліи на метонимических основаниях: «твёрдая ровная поверхности планеты», «земля как противоположение небу» [13. С. 972] в противопоставление небу и горам, «суша» в противопоставлении морю. Позднее в результате переноса по смежности появляются созначения «люди, населяющие планету, землю», «народ» [13. С. 973], «страна, государство» [13. С. 972], «имение, владение» [13. С. 972], «земля обрабатываемая» [13. С. 972]. С принятием христианства значение слова зѣмліи начало дополняться созначениями греческих религиозных символов, являвшихся в греческом языке и текстах несомненно метафорами, однако не воспринимавшихся как метафоры на славянской почве: «мир, созданный Богом», «мир» [13. С. 972], «Вселенная». Следует отметить, что расширение объёма понятия происходило параллельными путями: путём заимствования греческой христианской символики и путём развития созначений на славянской почве, не связанных с греческими заимствованиями. Так, по всей видимости, на метонимических основаниях переноса по смежности исходное значение слова «земля» – «суша» дополняется значением «почва», а с принятием христианства знак «земля» дополняется христианской символикой – «мир, созданный Богом».

Если слово, представляя собой семантическую синкрету, могло употребляться только в определённом контексте, полностью было связано с определённым традиционным окружением, то новые условия употребления языковых единиц обусловили актуализацию разных коннотаций в различных контекстах. Актуальное значение слова проявлялось только в определённом окружении, которое и сигнализировало о семантической актуализации одного из созначений, в то время как другие созначения деактуализировались, переставали быть актуальными в этом контексте. Таким образом, проявляя одно значение в актуальном контексте, лексема теряла остальные созначения синкретичного слова: «На пути к слову сама «вещь» теряет некоторые свои признаки, поскольку номинация происходит по какому-то одному признаку, признаваемому особенно важным в данный момент развёртывания концепта» [2. С. 93]. Таким образом, исходный синкретизм смысла подвергался последовательному снятию некоторых созначений посредством уточняющих слов и контекстов.

Но не все слова были синкретами, поскольку они не развивали дополнительные созначения, и даже коннотации. Их предметное или исходное значение сохранялось очень долго, а в некоторых случаях не изменилось и сейчас: ѿ клѣтѣи ѿлѣкѣи токою скобождшаго (Триодь цветная, XII в. (РГАДА, ф. 381, №138), 33 об.).

Некоторые же слова не утратили своей семантической синкретичности в истории языка: символы религиозной культуры христианского мира и по сей день сохраняют ёмкость объёма значения, что оказывается очень важным в сакральном тексте и в сакральной культуре. Такие слова, как $\overline{\text{бъ}}$, $\overline{\text{хъсъ}}$, $\overline{\text{кръстъ}}$, $\overline{\text{члвкъ}}$, $\overline{\text{слнцѣ}}$, $\overline{\text{нко}}$, в рамках христианского мировидения продолжают совмещать в своём значении всё богатство представлений человека о мире, сохраняя свою особость и сакральность: «Сакральное слово вообще не имеет признаков слова (всегда стоит под титлом); это зримые символы непознаваемых сущностей, представленные во всём их семантическом синкретизме» [2. С. 107].

В древнерусский период (XI–XIV вв.) нецелесообразно говорить о функционировании омонимов и семантических производных, поскольку слово в этот период значило больше, чем конкретный денотат. Именно в это время большую роль начинает приобретать контекст, т.е. окружение слова, поскольку основную семантическую нагрузку несёт именно он. Этот процесс является следствием внелингвистических факторов, поскольку усложнение системы языка стало результатом усложнения причинно-следственных отношений в мире и, следовательно, в картине мира славян. Появление новой информации о мире должно было быть каким-то образом выражено посредством языка. А освоение новой информации неизбежно происходило путем сопоставления с уже известным о мире, и даже более того – на основе уже известного. Впервые тезис, что «мнение или учение своими символами водят нас к неизвестному через более известное» был высказан Николаем Кузанским в трактате «De docta ignorantia»: «Все исследователи судят о неизвестном путем соразмеряющего сравнения с чем-то уже знакомым, так что все исследуется в сравнении и через посредство пропорции. Когда искомое сравнивается при этом с заранее известным путем краткой пропорциональной редукции, познающее суждение незатруднительно, и, наоборот, когда требуется много промежуточных звеньев, возникают трудности и неясности, как известно в математике, где начальные положения редуцировать к первым самоочевидным принципам проще, а последующие труднее, потому что надо обязательно проходить через те начальные. Итак, всякое разыскание состоит в более или менее трудном сравнивающем соразмерении. По этой причине бесконечное, как таковое, ускользая от всякой соразмерности, остается неизвестным» [14. С. 44]. Но в лингвистике внимание на это было обращено несколько позже: Ф.И. Буслаев и А.А. Потебня в ряде своих работ обосновывали антропоцентризм человеческого мышления и выражения этого мышления в языке, познание нового через уже известное. Ф.И. Буслаев писал: «Созерцая природу, человек приписывает ей качества и действия своих воззрений, но не по подобию или метафоре, а по врождённому своему стремлению сблизиться с предметом наблюдения и познания, по свойству самого разума человеческого налагать отпечаток своей деятельности на всё том, чего коснётся. Язык выражает это действие разумом весьма просто, а именно: называет вещи не по тому, что они суть на самом деле, а по тому, как они кажутся. Плавающие по морю, конечно, знают, что берега и горы стоят неподвижно, не плавают, однако в арханг. наречии говорится: берег всплывает, сопка всплывает, т.е. выказывается, появляется из-под горизонта. Такое выражение со-

ставилось не по уподоблению берега чему-либо плывущему, а по наглядке: потому что берег или сопка в этом случае действительно кажутся всплывающими. Следовательно, это не метафора, а скорее метонимия, и притом ещё на самой начальной степени своего развития, в перенесении кажущегося впечатления на предмет, оное произведший» [15. Т. 1. С. 168–169]. А.А. Потебня также высказывал мнение о том, что «вещи всегда называются по тому, чем они кажутся, и мыслятся такими, какими кажутся, ибо то, что они есть, есть не сущность, а позднейшая изменённая более продолжительным и многосторонним наблюдением видимость» [16. С. 216]. Таким образом, усложнение языковой системы, в том числе и её семантической части, было связано с усложнением процесса экстраполяции мышления славян, которые стали способны не только называть, давать предметные номинации, но и предполагать и предвидеть.

В целом конкретно разделить время активности функционирования синкрет и время функционирования метонимических дериватов нельзя, следует говорить о постепенной смене мышления и, как следствие, употреблении сначала синкрет, а затем постепенном превалировании в функционировании дериватов. Однако всегда в любой развивающейся системе, в том числе и языковой, фиксируются переходные этапы и элементы, являющиеся отражением этих этапов. Поэтому распадение первоначального синкретизма слова может быть показано посредством анализа распадающихся синкрет, но только в функционирующем потоке этих образований. Семантический синкретизм базировался прежде всего на расширении семантического объёма слова, но это расширение было процессом наслаивания созначений и коннотаций, но пока еще не результатом порождения нового слова. Завершение процесса синкретизма слова было ознаменовано появлением семантических дериватов в результате действия прежде всего метонимических процессов, основанных на номинации по смежности.

Появление семантических дериватов связано с совершенно разными способами мышления и выражения ментальности славян. Принципиально следует разграничивать метонимическую деривацию и аналогичные ей процессы и метафорическую деривацию.

Метонимические дериваты образовывались в результате распада семантического синкретизма слова – в результате разграничения и отделения друг от друга тех созначений, которые были совмещенными в отношении одного знака в своё время способствовали расширению семантического объёма слова. Это принципиально типовой процесс, в результате активизации которого сформировались определённые словообразовательные модели. Здесь было представлено не категориальное нарушение, а категориальное продолжение развития тех значений, которые зародились в недрах синкретичного слова. Метонимия отражает развитие отвлеченного мышления, т.е. определение и обозначение денотата посредством отвлечения нового от уже известного конкретного, что изначально лежало в основе номинации денотата: *оученнкъ бѣикъ вѣкоу предасть на сребрѣ продакъ* (Триодь цветная (РГАДА, ф. 381, №138), 31 л.). Слово *сребро* употреблено в контексте в значении «серебряные монеты; монеты, отлитые из серебра», таким образом, произошло отклонение от предметного значения в направлении к обозначе-

нию релевантных признаков и характеристик понятия «деньги»: серебро – «серебряные монеты» как деньги, отличающиеся от золота – «золотых монет».

Метафорические дериваты образовывались в результате категориального нарушения, «скачка» в мышлении, отрыва нового от уже известного. Подобный языковой процесс мог быть реализован только в более развитом мышлении, нежели в отвлеченном. Появление метафор ознаменовало переход мышления славян на более высокий уровень – абстрактный. Абстрактность – это не отвлечение, а разрыв, поэтому метафора – принципиально нетиповой процесс, который не следует смешивать с понятием «нетипичный процесс». В ранних текстах триодей в качестве символики используются заимствованные греческие метафоры: *БЕЗАКОННЫХЪ СЪБОРНЦЕ ПОМЫШЛЯЕТЪ ТЪЩЕТНАЯ ОУЕНТН ПОУУЧАЕТСА ЖИВОТА ДЪРЖАЩАГО ДЛАННЮ НЕГО ЖЕ ВСА ТВАРЬ БЛАГЪ СЛАВАНЪ ВЪ ВЪКЪ* (Триодь цветная (РГАДА, ф. 381, №138), 39 об.). Позднее, начиная с конца XIV – начала XV в., процесс ментализации заимствованных греческих символов и метафор приведет к собственному пониманию славянами тех или иных символов, что обусловит формирование собственно славянских метафор и особенности развития богатой семантической системы русского языка.

Однако мы не можем говорить о смене метонимического мышления на рубеже XIV–XV вв. метафорическим, поскольку произошло дополнение, а не замещение: активизация метафорического мышления не убила метонимическое мышление, так же как развитие отвлеченного мышления не стало свидетельством отказа от предметного. Следует также сказать о том, что этот процесс, как, в принципе, и все процессы в языке, не является абсолютно универсальным, как нельзя сказать об универсальности и объективности человеческого мышления как такового. Поэтому не следует удивляться тем фактам, что в некоторых, единичных случаях мы встречаем метафору несколько ранее XV в., а некоторые проявления семантического синкретизма наблюдаются и в современном языке.

Литература

1. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990. Т. 2.
2. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1969.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990.
5. Шмелёв Д.Н. Современный русский язык: Лексика. М.: КомКнига, 2006.
6. Апресян Ю.Д. Избранные труды. М.: Языки русской культуры: Восточная литература РАН, 1995. Т. 1: Лексическая семантика.
7. Прохорова В.Н. Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1980.
8. Современный словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1993.
9. Энциклопедический словарь: в 2 т. М.: Сов. энцикл., 1963. Т. 1.
10. Марков В.М. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 1981.
11. Соловьёв В.С. Сочинения: в 2 т. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева, А.В. Гулыги. М.: Мысль, 1988. Т. 2.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 17 т. М.: Наука, 1975. Т. 2.

13. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / Изд. отд-ния рус. яз. и словесности Импер. Академии наук. СПб., 1983. Т. 1.
14. *Кузанский Н.* Об учёном незнании / пер. с лат. С.А. Лопашова. М.: Азбука, 2001.
15. *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1.
16. *Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2003.